

Органы переходной власти на заключительном этапе Гражданской войны

О. М. Морозова, Т. И. Трошина

Для цитирования: Морозова О. М., Трошина Т. И. Органы переходной власти на заключительном этапе Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 771–796. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.306>

В основу статьи положены исследования, построенные на большом комплексе документов, хранящихся в центральных и региональных архивах Российской Федерации и ближнего зарубежья. Авторы сформулировали проблемный вопрос, заключающийся в выявлении общего при восстановлении советской власти на окраинах страны на последнем этапе Гражданской войны. В статье привлечен материал, касающийся непродолжительного промежутка времени между отступлением белых (на территориях Архангельской губернии, Донской и Терской областей, Кубанского края, Дагестана) и ликвидацией органов управления Азербайджанской Демократической Республики и вступлением частей Красной армии. Если до января — февраля 1920 г. Вооруженные силы Юга России отступали с боями, то после поражений на южных границах Донской области начался превентивный отход, и на освобождаемой белыми территории устанавливался режим междувластия. В Архангельской губернии такой перелом произошёл в начале февраля 1920 г., когда после разгрома основных сил Колчака появилась возможность ликвидировать Архангельский фронт. Выявлено два сценария развития событий накануне воссоединения окраинных территорий с центральной большевистской властью. Причем оставление территории без власти и порядка случалось достаточно редко. Обычно консолидированная демократическая общественность или перехватывала власть из ослабевших рук белой администрации, или организовано

Ольга Михайловна Морозова — д-р ист. наук, проф., Донской государственный технический университет, Российская Федерация, 344000, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1; olgafrost@gmail.com

Olga M. Morozova — Dr. Sci. (History), Professor, Don State Technical University, 1, pl. Gagarina, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation; olgafrost@gmail.com

Татьяна Игоревна Трошина — д-р ист. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 2; Северный государственный медицинский университет, Российская Федерация, 163000, Архангельск, Троицкий пр., 51; t.troshina@narfu.ru

Tatyana I. Troshina — Dr. Sci. (History), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 2, pr. Lomonosova, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; Northern State Medical University, 51, Troitsky pr., Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; t.troshina@narfu.ru

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00115 «Социально-политический диалог в послефевральской и послеоктябрьской России (1917–1918): тенденции, механизм, региональные особенности», руководитель М. Е. Разиньков.

The reported study was funded by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (science project number 19-09-00115 “The Socio-political dialogue in post-February and post-October Russia (1917–1918): the trends, the mechanism and the regional features”, Project Manager — Razinkov Mikhail).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

принимала бразды правления от командования уходящей белой армии. Во временные органы переходной власти обычно входили представители социалистических партий, внепартийной общественности, профсоюзов. Но на практике этот процесс обладал выраженной региональной спецификой, влияние на которую оказали местные политические силы, в той конфигурации, которая сложилась до начала Гражданской войны. Это явление нашло крайне слабое отражение в синхронных исторических источниках, поэтому наряду с такими отдельными сохранившимися документами основой для исследования стали личные свидетельства, собранные в период раннесоветских мемориальных кампаний.

Ключевые слова: временные комитеты, 1920 год, многопартийность, Архангельская губерния, Донская область, Кубанский край, Терская область, Восточное Закавказье.

Bodies of Transitional Power at the Final Stage of the Civil War

O. M. Morozova, T. I. Troshina

For citation: Morozova O. M., Troshina T. I. Bodies of Transitional Power at the Final Stage of the Civil War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 771–796. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.306> (In Russian)

The article is grounded on the research based on a large set of documents stored in the central and regional archives of the Russian Federation and neighboring countries. The authors have formulated a research question concerning identification of the common features in the process of restoration of the Soviet power on the outskirts of the country during the last stage of the Civil War. The article draws on the material spanning a short period between the retreat of the whites (in the territory of Arkhangelsk province, the Don and Tersk regions, Kuban, Dagestan) and liquidation of governing bodies of the Azerbaijan Democratic Republic and entrance of the Red Army units. If before January-February 1920, the “whites” retreated with battles, then a preventive retreat ensued, and a regime of interstate power was established in the territory they left behind. The article reveals two scenarios on the eve of the reunification of the peripheral territories with the central Bolshevik power. It was quite rare that the area was abandoned without power and order. Usually, the consolidated democratic society either intercepted power from the weakened hands of the white administration or took over the reins of power from the command of the withdrawing White army in an organized manner. Temporary transitional authorities usually included representatives of socialist parties, non-partisan public, and trade unions. But in practice, this process had a distinct regional specificity influenced by the local palette of political forces, in the configuration that had developed before the Civil War. This phenomenon was very poorly reflected in the synchronous historical sources, so along with such miraculously preserved separate documents, personal evidence collected during the early Soviet memorial campaigns formed the basis for the study.

Keywords: Interim Committees, 1920, multi-party system, Arkhangelsk province, Don region, Kuban region, Tersk region, Eastern Transcaucasia.

Внутренний вооруженный конфликт Гражданской войны в России вырос из ожесточенной партийной борьбы за избирателя во время выборов в Учредительное собрание в 1917 г. Так называемые демократические партии, пользовавшиеся поддержкой большинства населения, дрались за мандаты, имея при этом схожие политические программы — социалистические в своей основе. Проявив политическую близорукость, они сошлись на поле боя, уже не обращая внимания на партийные лозунги.

Обычно войны заканчиваются победой одной из сторон на полях сражений. В случае внутренней войны из военной фазы кризиса будет подыскиваться в том числе и политический выход. Проигрывающие и особенно «нейтральные» обычно инициируют обсуждение вопросов о прекращении братоубийственной войны, берут на себя поиск форм и путей перехода к гражданскому миру. Нас заинтересовал тонкий временной интервал между последними арьергардными боями отступающей армии и началом формирования местных органов советской власти. В этот момент сложилась ситуация, позволившая активизироваться местным общественным силам, которые видели выход из Гражданской войны за счет возвращения к тому состоянию политических сил, которое сложилось накануне острой фазы конфликта. Они создавали временные, переходные органы местного управления, которые с самого начала не претендовали на то, чтобы продолжать свое существование после вступления Красной армии. Это явление наблюдалось на окраинах страны в губернских и уездных населенных пунктах для организации жизни и охраны безопасности в условиях межвластия. В сельской местности этому способствовали традиции крестьянской самоорганизации и самоуправления; там переходный период протекал несколько иначе, и в силу этого обстоятельства подобная фактура в использованную подборку событий не была включена.

Представленный в статье материал касается окраин, в том числе и национальных, а также тех, которые при наличии условий и политической воли могли быть объявлены таковыми. Речь идет не только о казачьих областях, но и о Русском Севере. Проект буферного государственного образования под громким названием Русская Североокеанская Республика, президентом которой назывался Н. В. Чайковский, был представлен генералом Ф. К. Пуллем в январе 1918 г. и реализован в августе того же года. Подтверждением существования подобного плана является документ под грифом «Совершенно секретно», обнаруженный в Архиве внешней политики РФ. Он представляет собой аналитическую записку о мотивах и планах стран Антанты в отношении северного региона России. Известно, что бывшие союзники также обсуждали проекты создания Карельского буферного государства¹. Описанное оказалось особенностью не только Юга или только Севера, а явилось общим для двух окраинных областей европейской части России.

Организация местной жизни в условиях краткого междувластия 1920 г. не относится к разряду популярной тематики. Исследователи, рассмотрев последние бои за владение территорией, обычно переходили к освещению становления советской системы управления во всем многообразии этого процесса — от налаживания экономической жизни, поиска диалога с недружественно настроенным населением до борьбы с повстанчеством в рамках новой «крестьянской войны». Основное внимание уделялось борьбе, противостоянию, а не попыткам диалога, в основном неудачным и эфемерным. Но возможно, следует оценить их значение, если не с точки зрения победившей тенденции, но как свидетельство оживления общественно-политической жизни на территориях, где на миг ослабевал гнет военизированной властной силы. Как увидим, тогда выходили на поверхность два субъекта — улич-

---

¹ *Голдин В. И.* От Первой мировой к Гражданской войне в России и на Русском Севере: уроки национальной безопасности // Первая мировая война и Европейский север России. Архангельск, 2014. С. 8; *Рогачев И. В.* Архангельский Север в отношениях России и США в годы Первой мировой войны, 1915–1918. Архангельск, 2015. С. 142–143; *История Карелии.* Петрозаводск, 2007. С. 186.

ная стихия и провинциальные остатки расколовшихся левых российских политических партий, может быть, последний раз заявивших о себе.

Состоянию политических партий и движений, сложившемуся к концу Гражданской войны, посвящена работа В.Н.Бровкина², созвучная нашему видению ситуации. Среди региональной историографии, исключением, пожалуй, является литература, касающаяся так называемой Бакинской операции Красной армии (27–28 апреля 1920 г.), где ставится вопрос о характере той власти, которая встретила красные бронепоезда на вокзале Баку. Если в историографии советского Азербайджана дискутировались нюансы захвата власти коалицией местных левых, то в современный национальный научный дискурс прочно вошло понятие «апрельская оккупация» Красной армией³. На сибирском театре боевых действий помимо сценария с захватом города частями Красной армии были испробованы переходные органы власти многопартийного состава. Реконструкции ноябрьско-январских событий зимы 1920/1921 г. в Томске и Иркутске посвящен ряд публикаций⁴. Проблематика данной статьи вписывается в широкий контекст обсуждений судьбы российской имперской модели государственности. Особый интерес исследователей, прежде всего зарубежных, привлекает территориальный распад Российской империи и выявление тех линий, по которым этот распад проходил, а также выяснение условий, запустивших новый «сбор земель»⁵.

В отношении обеспеченности данного вопроса историческими источниками также существует своя специфика. Временные органы власти ограничивались выпуском листовок, информировавших население о принятии ими на себя полномочий на переходный период и о требованиях по организации местной жизни. Ту же задачу выполняли и выпуски периодических изданий, пришедшие на эти дни. Фиксацию произошедшего в период междувластия новая власть не осуществляла, за исключением вопиющих криминальных случаев. Текущая ситуация на Тереке периода междувластия нашла отражение в штабной документации красных по-

² Бровкин В. Н. Россия в Гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24–39.

³ Исмаилов Э. Р. Очерки по истории Азербайджана. М., 2010. С. 162–203; Гасымов З. Утерянная государственность Азербайджана в зеркале историографии: дискуссия об оккупации республики // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1 (5). С. 170–177; Муханов В. М. Грузинская демократическая республика: от первых дней независимости до советизации. М., 2018.

⁴ Вендрих Г. А. Декабрьско-январские бои 1919–1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957; Ларьков Н. С. Декабрьские события 1919 года в Томске // Вестник ТГУ. 2011. № 3 (15). С. 46–56; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005.

⁵ Голдин В. И.: 1) Новейшие зарубежные исследования о Гражданской войне начала XX века в России [Рец. на кн.: Smele J. D. The “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. London, 2015. 423 p.; Smele J. D. Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926. Lanham; Boulder; New York; London, 2015] // Вестник Северного (Арктического) университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 5. С. 128–132; 2) Дж. Д. Смил. «Российские» гражданские войны, 1916–1926. Десять лет, которые потрясли мир: [рец.] // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–169; 3) Национальный вопрос и национальные политики в Гражданской войне в России // Вестник Северного (Арктического) университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 148–151; Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920). СПб., 2012; Морозова О. М.: 1) Горское своеобразие и большевистский творческий порыв // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений. СПб., 2009. С. 234–238; 2) Горец в революции: Асланбек Шерипов, Магомет Энеев, Уллубий Буйнакский // Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2010. С. 188–134.

встанческих войск под командованием Н. Ф. Гикало, что является редкой удачей. Другим исключением из правила является сохранившаяся часть документов Кавказского краевого комитета РКП(б), руководившего подготовкой к переходу власти в Баку в апреле 1920 г.

Переходный период 1920 г. нашел отражение в основном в источниках личного происхождения, поскольку властный вакуум открывал возможность проявления инициативы рядовыми участниками событий, оставившими воспоминания о, может быть, самом ярком эпизоде их жизни. Иногда мемуарные тексты противоречат друг другу в отношении степени участия и соответствия собственной позиции автора интересам победившего пролетариата и советской власти, но конфигурация событий чаще всего описывается схоже. Немногочисленные сохранившиеся документы временных структур переходного периода обычно не противоречат в базовых моментах личным свидетельствам.

Саму постановку вопроса подсказало участие в создаваемых переходных правительствах представителей левой общественности, получивших легитимный статус в результате выборов 1917 г. При белых они пребывали чаще всего на задворках политической жизни, потеряв значительную часть своих мандатов, но в момент, когда города оказывались перед угрозой безвластия и хаоса, уходящая армия, руководствуясь гуманитарными или своекорыстными целями, вспоминала о них, назначая в качестве преемника на короткий период безвластия. Единообразия в процессе не было. Народная мудрость гласит: «Что город, то норов», или «На каждой грядке — свои порядки». Действительно, обстоятельства были самыми разнообразными и удивляли богатством нюансов.

После того как невозможность белого сопротивления стала очевидна, на окраинах страны в феврале — марте 1920 г. независимо друг от друга стали осуществляться сценарии передачи власти от белой администрации к местному самоуправлению. Советская сторона способствовала этому, экономя силы, так как понимала, что далеко не на всех фронтах окончены бои. В различных частях страны, в зависимости от внутренней политики временных (периода Гражданской войны) властей, менталитета населения, уровня внутренней конфликтности (связанной с демографическим перенаселением, малоземельем и другими, в основном экономическими, причинами), процесс «замирения», к которому вполне искренне стремились представители проигравших партий, приобретал самые различные, нередко причудливые формы.

Архангельская губерния

Переход власти в февральские дни 1920 г. в столице Северной области, в Архангельске, назывался в телеграмме комиссара Н. Н. Кузьмина победой после длительных и ожесточенных боев, в результате которых части 6-й Красной армии выбили белогвардейцев из Архангельска и вошли в него — «на посрамление мировой буржуазии, на радость мировому пролетариату...»⁶. Свидетели тех событий были более склонны именовать произошедшее бескровной революцией⁷. И действитель-

⁶ Ленин и Север: Сборник документов и материалов. Архангельск, 1969. С. 239–240.

⁷ Известия Временного комитета профессиональных союзов (Архангельск). 1920. 27 февр.

но, сдача Архангельска стала попыткой цивилизованного окончания Гражданской войны путем заключения гражданского мира, при этом инициатива исходила от генерал-губернатора Северной области генерала Е. К. Миллера, который проводил соответствующие консультации с общественностью города Архангельска⁸.

Общественность эта была порядком «потрепана» политическими событиями. На штыках интервентов, при участии офицеров, эсеров-меньшевистское правительство прибыло сюда в августе 1918 г. Уже через месяц они стали жертвами белогвардейского переворота, и хотя вскоре портфели им вернули, они стремились при любой возможности покинуть Север. Правительство состояло из членов Учредительного собрания, в основном депутатов от губерний, находившихся под властью большевиков. Президент Северной области Н. В. Чайковский больше был заинтересован вопросами международной политики, и, уехав на Парижскую мирную конференцию, больше в Архангельск не вернулся.

К концу 1919 г. армия Колчака перестала существовать, и на Северный фронт были переброшены крупные силы красных. Резко изменилось положение на фронте. В частях белой армии начались восстания солдат, желавших братания с красными и перехода на их сторону. Следует также учитывать, что зима 1920 г. была очень суровая. В безлюдной местности кров для многочисленных солдат найти было невозможно, поэтому красноармейцы вынуждены были ночевать в лесу, у костров. Красные части подходили к Архангельску с двух сторон — от Холмогор и вдоль железной дороги. И тем, и другим приходилось двигаться в тяжелейших условиях. По воспоминаниям красноармейцев, на привале «товарищи засыпали на 30-градусном морозе, Хаджи-Мурат [Дзарахохов] кричит “не спать!”, размахивал плеткой, не давал спать, чтобы не замерзли...»⁹. 20 % красноармейцев 154-го Камышинского полка (переброшенного с юга на север в январе 1919 г.) «обморозили конечности и были направлены в госпиталь в Вологду»¹⁰. Белые считали, что в таких условиях «красные, голые и босые, долго в лесу не проживут, уйдут». Однако подобные условия оказали иное действие, и призыв «Даешь Архангельск! Пить чай на балконе!» вызывал огромный энтузиазм и желание наступать почти без остановок.

При обсуждении вопроса о мирной сдаче Архангельска красным оказалось, что единственными представителями организованной общественности, согласившимися взять на себя ответственность, явились члены местных профсоюзов. Профсоюзы боролись за права рабочих, многие активисты оказались в заключении, и считалось, что советская власть отнесется к ним лояльно. «В целях обеспечения безопасности жителей от грабежей и насилий после эвакуации правительства из города наиболее целесообразным» было признано «передать полномочия по охране города»; а Временному комитету профсоюзов, который наделили правом проводить митинги и издавать воззвания к жителям города, предоставили оружие и солдат для охраны складов продовольствия, передав средства связи «для сно-

⁸ Корнатовский Н. Северная контрреволюция. М., 1930. С. 138. Подробнее см.: Трошина Т. И. «Бескровная революция» 1920 г. в Архангельске // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 888–904.

⁹ Воспоминания Окатова К. П. о Гражданской войне на Севере [1936 г.] // Государственный архив Архангельской области. Отдел документации социально-политической истории (далее ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Коллекция воспоминаний и личных документов северян. Оп. 3. Воспоминания участников Гражданской войны. Д. 403. Л. 2–5.

¹⁰ Воспоминания К. Назарова о Гражданской войне на Севере [1935] // Там же. Д. 375. Л. 1–5.

шений с большевиками»¹¹. Исполняющим обязанности командующего военным округом был назначен с его согласия полковник Л. В. Констанди, как «разочаровавшийся в целях Гражданской войны»¹², задачей которого была мирная передача Красной армии остающегося военного имущества, а также решение вопроса дальнейшей службы солдат белой армии на стороне красных.

Тем временем в Архангельске в связи с прорывом фронта начались лихорадочные приготовления к эвакуации. Предполагалось, что с помощью ледоколов из скованного льдом Архангельского порта будут выведены пароходы с ранеными и семьями офицеров, которые продолжали держать фронт. Частям, оставшимся на фронтовых участках, было предложено прорываться к Онеге и далее на Мурманск, откуда будет организована уже более планомерная эвакуация.

18 февраля началась погрузка на суда. Как нередко бывает во время эвакуации, возникла паника. Погрузка приобрела неорганизованные формы. Места на ледоколах получали вполне боеспособные офицеры, было много гражданских. Несмотря на массу желающих эвакуироваться, белым удалось вывести из Архангельска всего два судна, да и те уходили поспешно, опасаясь эксцессов со стороны плохо организованных групп солдат, собиравшихся на пристани с целью не допустить эвакуации.

В это время в порт подошли «забытые» офицеры и чиновники. Особенно много было фронтовиков, прибывших ночью с Двинского фронта. На пристань выехали два танка, направив орудия в сторону отходивших судов, приказывая им тем самым вернуться за ними. «Ярославна» вернулась и забрала танкистов, которые оставили свои машины с выведенными из строя орудиями. Офицеры продолжали подходить. По узкому фарватеру путь пробивал ледокол «Козьма Минин», за ним шла перегруженная пассажирами «Ярославна». Движение было медленным, вдоль длинной, в несколько десятков километров линии Архангельского порта. Вдоль набережной стояли «забытые» офицеры, «кричали, махали платками и папахами». «Более смелые, бросив вещи, с досками бежали по льду к ледоколу...»¹³; были случаи, когда офицеров вытаскивали на борт уже из полыньи. Всю ночь и день 18 февраля и следующую ночь не стихали выстрелы: это прорывались из Архангельска офицеры, которым не хватило места на ледоколах. Попытки погони, как инициативные, так и по приказу красного командования, оказались безрезультатными.

Временный комитет уполномочил наблюдать за порядком в городе воинские части, которые по согласованию между белым и красным командованием были оставлены на своих местах для охраны воинских складов. Но воинские части в основной своей массе разбежались, оставленные командирами, пытавшимися покинуть Архангельск. Город постепенно погружался в анархию. В воинских частях появились агитаторы и даже откровенные провокаторы; выдвигались различные «полевые командиры», которые пытались еще до прихода красных взять в свои руки власть. В местных частях было немало белогвардейцев, которые прежде служили в Красной армии и были перевербованы в белую из-за недостатка местных моби-

¹¹ Возрождение Севера (Архангельск). 1920. 18 февр.

¹² Архангельск в дни бегства белогвардейцев // ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Коллекция воспоминаний и личных документов северян. Оп. 3. Воспоминания участников Гражданской войны. Д. 720. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 1–2.

лизационных резервов. Самые активные из них, опасаясь наказания от красного командования, решили проявить инициативу.

Унтер-офицер автодивизиона Н. Н. Бубновский подговорил солдат захватить цейхгауз, чтобы помешать эвакуации. Отряд захватил почту, разоружил охрану и заменил ее своим караулом. Далее без сопротивления им была захвачена запасная артиллерийская батарея. Во главе с командиром все дали честное слово принять участие в задержании судов. На реквизированных из крестьянского обоза лошадях доставили орудие и снаряды на пристань; однако суда с правительством и белогвардейцами уже отошли. Тогда отряд начал двигаться на автомобилях вдоль реки, пытаясь перехватить и обстрелять уходящий караван¹⁴.

Небольшой отряд из пленных красноармейцев под предводительством военного моряка А. В. Варзаева, сагитировав роту солдат, направился освобождать заключенных из тюрьмы. По дороге почти вся рота разбежалась. Но даже такими силами удалось взять тюрьму, охранники которой уже открыли камеры, готовясь по первому же приказу выпустить заключенных. В тюрьме было найдено оружие, которым вооружили 500 заключенных, они разбились на отряды, чтобы захватить радиостанцию, порт, телефон, телеграф, банки и т. д. Подобные действия сопровождались разгулом уголовного элемента, который выпустили из тюрьмы вместе с политическими.

19 февраля начали прибывать поезда с красноармейцами. Временный комитет постарался организовать встречу «дорогих братьев, представителей советской власти» как можно торжественней. 20–21 февраля в Архангельск стали входить пешие красные полки.

Еще до прихода красных отрядов участники стихийных акций выставляли караулы на военных складах, занимались арестом оставшихся белогвардейцев, что иногда было сопряжено с перестрелками. С такой самодеятельностью, которая иногда приобретала формы самосудов, не сразу справились и восстановленные органы советской власти. Окрестные крестьяне привозили арестованных офицеров¹⁵. 23 февраля был опубликован приказ комиссара Кузьмина: «Безобразия продолжаютя. По улицам шляются пьяные и дебоширы. <...> Кто попытается продолжить бесчинствовать и грабить, кто попытается испытывать терпение революционной власти, тот пусть знает, что его будут вынуждены отправить на Йоканьгу»¹⁶ (речь шла о страшной тюрьме, устроенной на уже ликвидированной военно-морской базе на отдаленном побережье Мурмана).

Командование 6-й армии особого внимания на Архангельский временный комитет не обращало. Уже через два дня после прихода Красной армии почти все его распоряжения были отменены (например, была прекращена раздача населению оставшегося продовольствия, отстранен от должности полковник Констанди); от охраны военных объектов были отстранены бывшие солдаты белой армии (их места заняли освобожденные из плена красноармейцы). Едва ли не последним распоряжением Временного комитета была посылка поезда в Вологду за членами Ар-

¹⁴ Бубновский Н. Н. Архангельск в дни бегства Миллера // ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Коллекция воспоминаний и личных документов северян. Оп. 3. Воспоминания участников Гражданской войны. Д. 53. Л. 1–2.

¹⁵ Архангельск в дни бегства белогвардейцев. Л. 1–2.

¹⁶ Известия Временного комитета профессиональных союзов. 1920. 23 февр.

хангельского губернского исполкома «в изгнании»¹⁷. Как следует из воспоминаний бывшего члена Северного правительства Б. Ф. Соколова, «счастливое время очень быстро закончилось. В начале марта прибыла Че-Ка...». Между уполномоченным ВЧК Эйдуком и комиссаром Кузьминым, сторонником более мягких мер, началась ожесточенная борьба. «Население приуныло...»¹⁸

Формально власть Временного профсоюзного комитета на уезды не распространялась. Действовали распоряжения губернского земства, которое 21 февраля 1920 г. выпустило распоряжение: «Война с Советской Россией прекращается. Земское собрание постановило возложить на губернскую, уездные и волостные управы охрану порядка и имущества, принятие его от военных частей и передачу новой власти»¹⁹.

В уездах огромной Архангельской губернии переход власти протекал сразу по нескольким сценариям, которые развивались в зависимости от степени удаленности от линии фронта.

В Мезени сразу после получения сообщения о восстановлении советской власти в Архангельске 21 февраля местная общественность фактически восстановила уездный исполнительный комитет, существовавший в 1917–1918 гг. Председателем был избран Ф. И. Наволочный, секретарем — бывший председатель уездного исполкома К. И. Петелин (который в августе 1918 г. сдал свои полномочия комитету общественной безопасности, ставшему переходной властью до момента восстановления земства). Комитет заявил, что в его ведение переходит вся гражданская и военная власть по городу и уезду. Всем бывшим чиновникам было предложено оставаться на своих местах и «принять все меры к охране дел, имущества для сдачи их представителям советской власти»²⁰.

В связи с изолированностью местности переходный период мог продолжаться до полутора — двух месяцев, пока в уезд не прибывали представители Архангельского губисполкома и большевики из местных уроженцев. Но по мере увеличения влияния и числа сочувствующих новые власти проводили более жесткую политику. Чиновники, которые остались на своих местах по призыву временного исполкома, впоследствии были арестованы за прежние проступки перед советской властью и вывезены в Архангельск, в Губчека. Наволочный и Петелин были арестованы «за гуманность и слабость при претворении советской власти в жизнь»²¹ и препровождены в Архангельск. Временный исполком был распущен. Взамен был организован уездный ревком и временный уездный комитет РКП(б). Население по этому поводу безмолвствовало, потому что северные волости уезда были непроезжими

---

¹⁷ Воспоминания Анисимова П. П. // ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Коллекция воспоминаний и личных документов северян. Оп. 3. Д. 252. Л. 3–4; Воспоминания К. Назарова о Гражданской войне на Севере [1935] // Там же. Д. 375. Л. 1–3; День радости // Известия Временного комитета профессиональных союзов. 1920. 21, 23, 24 февр.

¹⁸ Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Белый Север. 1918–1920: Мемуары и документы. Вып. II. Архангельск, 1993. С. 418.

¹⁹ Известия Временного комитета профессиональных союзов. 1920. 21 февр.

²⁰ Переписка, февраль — июнь 1920 г. // ГААО. Ф. 571. Мезенский уездисполком. Оп. 1. Д. 30а. Л. 9, 28.

²¹ ГААО. Ф. 649. Отдел управления Мезенского уездисполкома. Оп. 1. Д. 10. Акты Мезенской тюрьмы (1920). Л. 9–10.

щими, а введенное распределение хлеба по карточкам не позволяло конфликтовать с новой властью²².

В южной прифронтовой части Мезенского уезда находились военные части, которые еще до эвакуации белого Северного правительства создали подпольный солдатский ревком. В дни, когда шла эвакуация из Архангельска, комитет открыто продемонстрировал поддержку Красной армии и советской власти, после чего командир полка Троянов согласился признать его властным органом. Эта солдатская власть просуществовала до апреля 1920 г.²³ Солдатские ревкомы, бравшие власть, возникали и в других населенных пунктах Мезенского уезда, расположенных вдоль линии фронта. Судьба офицеров напрямую зависела от того, какие отношения с солдатами сложились у них за время службы²⁴.

В прифронтовом Холмогорском уезде территории переходили из рук в руки, и население уже привыкло приспособливаться. За два месяца до падения белого правительства в Архангельске в селе Нижние Матигоры произошло восстание размещенной там роты, в котором нижние чины проявили навыки планирования военных операций, с блокированием районов и изоляцией офицеров. Избранный председателем солдатского ревкома Н. Лапин, человек явно ранее уже послуживший в армии красных, осознавал, что за самоуправство можно и ответить, поэтому пытался обуздать бунтарство рядовых солдат восставшей роты и запретил расстрел захваченных офицеров. К селу вышел партизанский отряд Хаджи-Мурата Дзарахохова, который также знал, что объяснения с командованием могут добром не кончиться, и потому поддержал Лапина²⁵. Заняв Холмогорский уезд, большевики объявили об отмене смертной казни на советской территории, перерегистрировали все вооруженные формирования и провели перепись военного имущества. В дальнейшем эти части участвовали в Польском походе Красной армии.

В прифронтовом Пинежском уезде, оставленном Красной армией лишь четыре месяца назад, 27 февраля 1920 г. (после известия о событиях в Архангельске) мобилизованные в белую армию образовали уездный военно-революционный комитет. 1 марта в город Пинегу прибыла рота красноармейцев-лыжников, которая взяла на себя поддержание порядка в городе и волостях. 26 марта уездный военно-революционный комитет передал свои полномочия вернувшемуся на свой пост председателю уездисполкома Никулину²⁶.

Средь-Мехреньгское земское правление собралось 6 марта по распоряжению командированного к уезду сотрудника политотдела 54-й дивизии Попова, переименовало себя во «временно исполняющее обязанности волостного исполнительного

²² Воспоминания Костылева В. Н. // ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Коллекция воспоминаний и личных документов северян. Оп. 3. Воспоминания участников Гражданской войны на Севере. Д. 260. Л. 1–3.

²³ Воспоминания М. Я. Плещицера о службе у белых // Там же. Д. 442. Л. 2–3; Телеграммы об освобождении Севера. Февраль — апрель 1920 г. // ГААО. Ф. 571. Мезенский уездисполком. Оп. 1. Д. 28а. Л. 1; Д. 30а. Л. 17, 35, 38.

²⁴ Воспоминания М. М. Киприянова // ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Коллекция воспоминаний и личных документов северян. Оп. 3. Воспоминания участников Гражданской войны на Севере Д. 226. Л. 1–2; Воспоминания Левитина // Там же. Д. 313. Л. 1–5.

²⁵ Галашев Н. Д. О восстании 2-й роты белых в Холмогорах в феврале 1920 г.: воспоминания [1927 г.] // Там же. Д. 100. Л. 1–3.

²⁶ Телеграммы об освобождении Севера. Февраль — апрель 1920 г. // ГААО. Ф. 571. Мезенский уездисполком. Оп. 1. Д. 28а. Л. 3.

комитета»²⁷. Затем по требованию Попова была создана избирательная комиссия, сам Попов избран ее председателем. На следующий день состоялись выборы нового состава совета и исполкома, при этом состав, по большому счету, не изменился.

В Онеге, которая находилась на линии сухопутного отступления от Архангельска к Мурману, белые бросили все на произвол судьбы, не дожидаясь приближения красных. Местные жители сами организовали временный орган самоуправления, назвав его городским ревкомом. Затем после возвращения в Онегу бывших членов уездного исполкома была восстановлена советская власть в лице исполкома, избранного в 1918 г., а 1 апреля 1920 г. состоялся уездный съезд, который полностью его переизбрал из-за ошибок в деятельности в период нахождения под властью Северного правительства²⁸.

Мурманск, который накануне описываемых событий (2 февраля) получил самостоятельность и стал центром новой губернии, оказался в наиболее сложном положении. Здесь было немногочисленное гражданское население, но достаточно уставших от войны моряков и солдат. Получив 18 февраля сообщение об эвакуации белой армии из Архангельска и распоряжение Архангельской губернской земской управы о прекращении Гражданской войны, местный земский деятель А. И. Игнатьев, отражая широкое общественное настроение местных жителей, ратовавших «за соглашение с большевиками», начал переговоры с «начальником» края В. В. Ермоловым о «бескровной» сдаче Мурмана²⁹. В итоге Ермолов отказался от должности, не особо заботясь о воинских частях, которым предстояло сдерживать натиск противника. Начальник Мурманского гарнизона П. А. Диалактовский и большинство офицеров обсуждали вооруженный захват власти для организации сопротивления красным³⁰. Однако предпринятая попытка оказалась неудачной, им пришлось спешно эвакуироваться за границу — на оленях, пароходах, пешком. А на Мурман прибыли воодушевленные легкой победой красные отряды, возглавляемые энергичными большевиками. Пока красноармейцы со своими командирами грабили воинские склады, комиссары более жестко, чем в Архангельске, навели революционный порядок.

Парадокс сдачи Архангельска заключается в том, что осенью белые части, даже оставшись без поддержки интервенционных сил, одерживали победы. Ими был полностью ликвидирован Пинежский фронт с красными, но население подвергалось активной большевистской агитации, использовавшей любые действия Северного правительства. Например, как только оно начало собирать у населения денежные знаки для перфорации, чтобы не допустить инфляции через заброску денег из Совдепии, пошли слухи, что правительство собирается бежать с этими деньгами за границу. Люди за короткий срок после революции привыкли не верить официальной информации и даже газетам. Следует отметить, что советская власть в приграничных районах из идеологических соображений стремилась не показы-

²⁷ Приказы уездного комиссариата по военным делам... Февраль — ноябрь 1920 // ГААО. Ф. 1894. Холмогорский уездисполком. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

²⁸ Дело по обвинению Стратилатова Н. П. в контрреволюционной деятельности // Архив Регионального управления ФСБ по Архангельской области. Д. П-17987. Л. 20.

²⁹ Герасимов Д. А. Мурман в начале 1920 года: между белыми и красными // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения. Архангельск, 2010. С. 193–197.

³⁰ Северный фронт, 1918–1920: документы. М., 1961. С. 263.

вать реалии военного коммунизма: не было продрозверсток, напротив — в прифронтовые селения завозили продовольствие; трудовая и гужевая повинность населения (трудгужповинность) хорошо оплачивалась. Устав от Гражданской войны, которую рассматривали как междоусобицу, партийную борьбу за власть, окрыляемые слухами, что англичане договорились с Лениным и преследования за поддержку белых не будет, население консолидировалось на идее, что надо отказаться от присутствия белой вооруженной силы и принять в городе красных.

Таким образом, усталость населения от непонятной войны, бесхребетность эсеров и социал-демократов, не сумевших воспользоваться выпавшим им уникальным историческим шансом, умелая работа большевистских агитаторов создали тот общий настрой, когда белая армия, отлично обмундированная и вооруженная, но потерявшая моральную поддержку населения, вынуждена была уйти. В то же время попытка цивилизованной передачи власти при посредничестве политически нейтральной общественности была сорвана.

Дон

Осенью 1919 г. Красная армия с боями занимала города и села. В результате Орловско-Кромской и Воронежско-Касторенской операций (октябрь — ноябрь 1919 г.) она вышла к границам Дона. Белые отходили на юг, преследуемые кавалерией красных. О напряженности сражений говорит картина, которую наблюдал ехавший в военном эшелоне следом за передовыми частями красноармеец: «Везде были разбиты белые, и лежали трупы от Лихой до Ростова»³¹. Но сопротивление армии А. И. Деникина продолжалось. Командование планировало закрепиться на линии село Крым — Большие и Малые Салы — Генеральский мост. Бои на этих позициях начались 7 января 1920 г. Обе стороны понесли значительные потери. Конно-сводный корпус Б. М. Думенко, ведший наступление на Новочеркасск, намеревался принять новое сражение за город, но наутро 8 января неожиданно для красных он оказался свободным от армии противника. По-видимому, казаки пожалели свою столицу и уберегли ее своим уходом от разрушения. Красноармейцы сетовали, что не попытались занять город вечером — ночевали бы в тепле.

В это время 1-я Конная армия вела упорные бои в направлении Ростова и Нахичевани, не принешие успеха. Деникинское командование с целью борьбы с паникой в Ростове опубликовало 8 января воззвание, где сообщалось, что части Красной армии отброшены от города. По сути, так оглашалась цель предпринятого в этот день наступления, которое в действительности закончилось поражением, потому что белые были разгромлены, получив сокрушительный удар по флангу и тылу. Ставшая свидетелем гибели пехоты и бросившая ее на произвол судьбы конница К. К. Мамонтова со всеми предосторожностями перешла по тающему льду на левый берег Дона³².

В ночь на 9 января в расположенный по правому берегу Дона город с двух сторон входила конница красных. Как писал бывший конармеец: «На улицах спокой-

³¹ Переписка бывшего командира Стальной дивизии Д. П. Жлобы за 1929–1930 гг. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф. Р-912. Личный фонд Д. П. Жлобы. Оп. 1. Д. 6. Л. 150.

³² Будённый С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М., 1958. С. 378–383.

но: ходят трамваи, работает кино, раздаются песни пьяных офицеров, слышится колокольный звон. Со стороны вокзала доносятся резкие выстрелы. По сведениям жителей, это грузятся какие-то части белых и «для порядка наводят страх». Начинаем прочесывать улицы города. Берем в плен одиночных офицеров»³³. В Купеческом клубе арестовано 50 офицеров, но, очевидно, далеко не всегда прибегали к аресту. Красные кавалеристы наугад заходили в дома и квартиры и, столкнувшись с белыми офицерами, нередко тут же «радикально» решали вопрос с боевой силой противника³⁴.

Днем 9 января в городе завязались уличные бои с деникинцами, сумевшими собраться в группы. Перестрелки продолжались в течение суток. Отряд юнкеров засел в здании Государственного банка. Ожесточенные бои шли на Московской улице, Софийской площади, в Богатынском переулке на пустыре между тюрьмой и трамвайным депо.

Не отличавшийся отвагой глава ростовского подпольного комитета РКП(б) А. Е. Васильев-Шмидт вместе с двумя товарищами в эти дни укрывался в помещении трамвайного депо. Бодрости им придавало то, что на чердаке мастерских лежали припрятанные винтовки. В ночь на 10 января 1920 г. на пустыре начался бой. Это сопротивлялись белогвардейские части, выбитые 4-й дивизией из станицы Аксайской и Нахичевани и зажатые между нею и 6-й кавалерийской дивизией. Подпольщики провели ночь, опасаясь, что бой перекинется на депо. В мае 1925 г. Шмидт с характерной для того времени наивностью вспоминал о той ночи: «Началась перестрелка. Мы думали: “Вдруг не выдержит Красная армия и отступит, что будет на утро с нами”. С обеих сторон был сильный пулеметный огонь, с обеих сторон обстреливали стены трамвайных мастерских. Мы попросили т. Филимонова, который был мастером трамвайных мастерских, чтобы он выключил свет, потому что таким образом не будет так заметно, кто находится в мастерских. Наконец, Красная армия атаковала белых, разбила их наповал, и Ревком легализовался. Утром на рассвете мы почувствовали себя свободными»³⁵.

Через месяц корпус Кутепова и 3-й Донской корпус на два дня заняли Ростов и Нахичевань, а затем вновь оставили их без боя по приказу А. И. Деникина.

Экскурс в боевые события призван объяснить, почему после этого поражения армия Деникина больше не вела боев за крупные населенные пункты. Опыт ростовской сумятицы был учтен. Была серия боев на линии р. Маныч — Егорлыкское сражение, тяжелые бои у станции Торговая, которые серьезно обескровили войска. По Кубани и Тереку они отступали, оставляя покидаемую территорию в состоянии безвластия.

По утверждению вышеупомянутого «Шмидта», белое командование в лице генерала А. П. Кутепова, учитывая возможность потери Ростова, предложило местным меньшевикам принять на себя управление городом, но те решительно отказались, намереваясь последовать за отступающей армией. Правые эсеры и меньшевики на территории «Деникии» были системным элементом. Они частично кон-

³³ Кондратенко П. Ф. Конармейцы вступают в город: воспоминания // ЦДНИРО. Ф. Р-910. Архив партийного архива Ростовского обкома КПСС. Оп. 2. Д. 112. Л. 4.

³⁴ Ломов Федор Иванович, боец 33-го Северодонецкого полка 6-й кавдивизии 1-й Конной армии: воспоминания // Там же. Оп. 3. Д. 713. Л. 1.

³⁵ Васильев (Шмидт) Андрей Ефимович, председатель Донского комитета РКП(б): воспоминания // ЦДНИРО. Ф. Р-12. Истпарт. Оп. 3. Д. 177. Л. 81.

тролировали рабочие организации, но дистанцировались от каких бы то ни было рабочих эксцессов. В Ростове продолжала издаваться социал-демократическая партийная газета «Рабочее дело». Меншевик П. С. Петренко работал в ОСВАГе³⁶ и читал лекции с критикой советской власти большевистского толка³⁷. Другие источники об этом факте умалчивают, но последующие события позволяют считать его возможным.

Таким образом, территорию Донской области можно назвать последним плацдармом, где армия Деникина отступала с боями. После серии серьезных сражений по линии реки Маныч (февраль — март 1920 г.) казачья конница была настолько потрепана, что белые без боев отходили в направлении Екатеринодара и Владикавказа.

Кубань

После ухода белых в небольшом приморском Ейске наступил период безвластия. Силами уличных и домовых комитетов, потребительских кооперативов создавались временные структуры по поддержанию порядка³⁸. Большинство окружных станиц на южных границах Дона и отдельных станиц³⁹ на Кубани были заблаговременно покинуты правлениями и вооруженными силами белых. В Екатеринодаре события приобрели иной характер, что было связано с традиционным влиянием эсеров и отголоском некоторых событий 1918 г.

Эсеровские настроения на Кубани укоренились еще в дореволюционное время, так как в предгорные станицы отправляли административно-ссылных политических — на исправление. Они вели среди населения активную работу, что и привело к популярности эсеров среди местных казаков и сосланных. В 1918 г. на Кубань из центра страны прибыла группа правых эсеров, например бывший московский градоначальник (1917 г.) В. В. Руднев, которая определила дружественную по отношению к Добровольческой армии и Краевой раде линию партии. Так же, как и на Дону, правые эсеры и меньшевики находились на легальном положении. Многие из них категорически не принимали идею советской власти, другие, наоборот, под влиянием практики деникинского командования стали «раскольниками» и поддерживали большевистское подполье на Кубани.

Большевик А. А. Лиманский, рабочий-переплетчик, при Кубанском краевом правительстве длительное время обладал особым иммунитетом, так как в апреле 1918 г., будучи уведен отрядом генерала В. Л. Покровского в качестве заложника, был задействован в операции по обеспечению неприкосновенности раненых, оставленных корниловцами в лазарете станицы Дядьковской. От расправы подошедшими красногвардейцами их удалось отстоять благодаря ораторскому ма-

³⁶ ОСВАГ (Осведомительное агентство) — структура в составе Добровольческой армии (с 1919 г. — Вооруженных сил на Юге России), созданная для сбора данных на подконтрольной территории и ведения информационно-пропагандистской работы среди населения и в армии.

³⁷ Там же. Л. 17, 18, 21, 82, 118.

³⁸ Автобиографии, заявления, справки, характеристики бывших красных партизан // Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. Р-3442. Таганрогская городская комиссия помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам, 1925–1935. Оп. 5. Д. 2. Л. 264.

³⁹ Территория Кубанского казачьего войска делилась на отделы; местная администрация располагалась в крупных станицах, являвшихся отдельскими центрами.

стерству Лиманского и местного учителя⁴⁰. В августе 1918 г. он не отступил вместе с Северокавказским ЦИКом, а остался в городе на легальном положении, а затем возглавил местное подполье. Ничего, что реально угрожало бы белому движению, подпольщики Екатеринодара (как и Ростова-на-Дону) не совершали, разве что решались на единичные убийства офицеров и «экссы»⁴¹ для поддержки своей кассы, но белогвардейская контрразведка не могла оставлять это безнаказанным. В июне 1919 г. во время массовых зачисток белыми своего тыла в тюрьме оказались Лиманский, лидер «эсеров-раскольников» С. В. Евменьев и другие левые.

В марте 1920 г. при отступлении белые планировали повторить удачно использованный в станице Дядьковской прием: под гарантию выпущенных из тюрьмы видных большевиков и левых эсеров оставить в Екатеринодаре своих раненых, беженцев, а заодно и передать им контроль за жизнью города. Началось освобождение политзаключенных из тюрьмы. Еще до окончательного ухода белых те начали конструирование власти, которая получила название ревкома. В него вошли Лиманский, В. Ф. Черный, В. С. Цейтлин и др. Переходный ревком снабдил деньгами врач Н. С. Долгополов, эсер, бывший депутат Государственной думы и комиссар Временного правительства в Черноморской губернии, член Кубанского краевого правительства по ведомству здравоохранения. Средства были предназначены для поддержания работы общегородских коммуникаций и служб. Долгополову было предложено остаться, охранным свидетельством должно было стать удостоверение, подписанное Лиманским и Черновым, но доктор предпочел эвакуироваться⁴².

В результате этого смена власти в Екатеринодаре прошла практически незаметно для жителей, о чем свидетельствует запись, сделанная 5 (18) марта 1920 г. в дневнике профессора-юриста И. А. Малиновского, члена партии кадетов: «Вчера, когда возвращались домой, по Красной, начиная от Гоголевской доobelиска, и дальше по Ростовской непрерывно и спокойно шли войска — донские и кубанские казаки, со стороны Черноморского вокзала. Это было в половине первого. А около трех уже разнеслись слухи о том, что со стороны того же Черноморского вокзала вошла Красная армия. Значит, город оставлен одними и занят другими без одного выстрела. Это наилучший оборот дела: 1) город не пострадал от снарядов, и 2) население не пострадало от грабителей, которые обыкновенно совершают свои подвиги тогда, когда одна власть ушла, а другая еще не пришла»⁴³.

Переход власти в расположенном на расстоянии ста верст от Екатеринодара Майкопе происходил также по инициативе военной администрации города, но

---

⁴⁰ Докладная записка делопроизводителя Госбанка [Владимира Робертовича] Бушмана о пребывании в тылу Красной армии с целью спасения раненых белогвардейцев, 30 июля 1919 г. // Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 2830. Комиссия по изучению истории партии. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–10.

⁴¹ «Экс» — термин, возникший в революционной среде начала XX в. для обозначения насильственного изъятия денежных средств и материальных ценностей в пользу подпольных антиправительственных организаций.

⁴² Воспоминания неизвестного автора об истории и деятельности эсеровской организации на Кубани // Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и Гражданской войны на Кубани и Черноморье. Оп. 21. Д. 220. Л. 79–81.

⁴³ Малиновский И. А. Воспоминания. Екатеринодарский дневник, декабрь 1919 — март 1920 г.: Копия рукописи. С. 166 // Музей истории Томского государственного университета. Научно-справочный фонд.

преемником выступила не левая общественность, а представители красно-зеленых. По утверждению советских мемуаристов И. П. Порохно и И. Б. Шевцова, переговоры о передаче власти начали вести задолго до ухода белых, что было связано с тем, что в окрестных предгорных станицах уже свободно расположились красно-зеленые отряды, что не могло не беспокоить белую администрацию⁴⁴. Собственно переход власти состоялся в Майкопе так. Комендант города генерал Ф. В. Данилов связался с командованием красно-зеленых, отправив в качестве заложников двух депутатов Кубанской краевой рады. Явившимся 20 марта в город командирам партизанских отрядов он передал контроль над городскими структурами⁴⁵. Уже 21-го в город вошли красно-зеленые отряды, 22-го — части регулярной Красной армии.

Красно-зеленое движение в горах Западного Кавказа и на побережье Черного моря сыграло специфическую роль в развале деникинского тыла. Зеленые отряды вбирали в себя скрывающихся от призыва в белую армию дезертиров, а также отпущенных из лазаретов переболевших тифом красноармейцев. Грань между теми, кто преследовал политические цели и просто отсиживался, была зыбкой. Они собирались в горах и лесах в небольшие группы, которые предпринимали налеты на ездивших по лесным дорогам крестьян и казаков, забирая еду и оружие⁴⁶. Симпатиями населения они, разумеется, не пользовались. С наступлением осенних холодов 1919 г. остатки отрядов ушли на дальние лесоразработки. Но в январе опять начался сбор, так как лес наводнился дезертирами из белоказачьих частей, которые заявляли, что не хотят ни воевать, ни уходить с Кубани⁴⁷. В это время в горах появились представители командования Красной армии, посланные в тыл противника: Л. Ивницкий, военком 33-й стрелковой дивизии, который был послан реввоенсоветом (РВС) 8-й армии, и Н. С. Соркин — от РВС Республики⁴⁸. Их задачей было создание в тылу противника опоры предстоящему наступлению Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).

Пиком крестьянского красно-зеленого движения стало январское восстание 1920 г. в Сочинском уезде, осуществленное Комитетом освобождения Черноморской губернии, в ходе которого его отряды захватили у белогвардейцев округ и создали в нем самоуправление⁴⁹. Бывший партизан отряда станиц Северной и Ильской И. И. Бирин отмечал, что красно-зеленые сыграли свою роль в момент

---

⁴⁴ Порохно Иван Павлович: воспоминания // Национальный архив Республики Адыгея. Хранилище документов новейшей истории (далее НАРА ХДНИ). Ф. 1123. Партийный архив Адыгейского областного комитета КПСС. Оп. 2. Д. 9. Л. 164; Шевцов И. Б. Особое задание. М., 1965. С. 107–138.

⁴⁵ Расторгуев Семен Васильевич: воспоминания (1925) // НАРА ХДНИ. Ф. 1123. Партийный архив Адыгейского областного комитета КПСС. Оп. 2. Д. 35. Л. 26.

⁴⁶ Порохно Иван Павлович: воспоминания // НАРА ХДНИ. Ф. 1123. Партийный архив Адыгейского областного комитета КПСС. Оп. 2. Д. 9. Л. 136–137.

⁴⁷ Краткий очерк о Кубано-Черноморской красной армии, воспоминания большевиков-подпольщиков // ГАКК. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и Гражданской войны на Кубани и Черноморье. Оп. 2. Д. 203. Л. 290–295; Порохно Иван Павлович: воспоминания. Л. 149.

⁴⁸ Расторгуев Семен Васильевич. Как не надо писать воспоминания о Гражданской войне. По поводу воспоминаний И. Б. Шевцова (1960) // НАРА ХДНИ. Ф. 1123. Партийный архив Адыгейского областного комитета КПСС. Оп. 2. Д. 33. Л. 22; Краткий очерк о Кубано-Черноморской красной армии, воспоминания большевиков-подпольщиков. Л. 69–70.

⁴⁹ Черкасов А. А. Демократия и гражданская война: проблема фракционных взаимоотношений на крестьянско-рабочем съезде Комитета освобождения Черноморской губернии (22–25 февраля 1920 г.) // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 34–50.

отступления белых, привнося дополнительную нервозность⁵⁰. Для того чтобы по возможности обезопасить свой отход, белые вступали в соглашение с существующими органами местной власти, добившись их нейтралитета, или содействовали формированию временных органов самоуправления для поддержания порядка на освобождаемых территориях.

Терек

Уход белых был ожидаемым событием, и это при том, что их власть была еще вполне крепка и могла при необходимости оказать решительный отпор. В ночь на 24 февраля группа жителей окраинных районов Пятигорска совершила нападение на здание городской стражи с целью захвата винтовок. К утру мятежники были выловлены. После военно-полевого суда 29 февраля было расстреляно 9 человек. Эта акция не имела политического характера, не случайно в городские хроники она вошла под названием «восстание розовых». В ночь на 14 марта горожане увидели беспрерывное движение белых войск и обозов, утром ни одного офицера в городе не осталось. В тот же день был организован временный комитет по охране города. Им были выпущены политические заключенные, которые взяли на себя охрану города. Ограниченные по численности части Красной армии прибыли по железной дороге лишь 17 марта в 4 часа после полудня⁵¹.

В марте 1920 г. во Владикавказе и Грозном — крупнейших городах Терской области, местная администрация также покидала города, не предприняв никаких действий для организации переходного управления. В Грозном задолго до официального возвращения советской власти установилось реальное междувластие. Из-за общей дезорганизации, характерной для безвластия, нарушился подвоз товаров в город, там начался голод. Обычно в такой ситуации возникает острая потребность в координирующем органе. В горах Северного Кавказа существовали очаги сопротивления, которые, несмотря на ряд успешных операций командования Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР), уничтожены не были. Осенью 1919 г. стали формироваться красные повстанческие войска Терской области под командованием Н. Ф. Гикало. И хотя штаб Гикало все еще находился в ауле Шатой, его уже считали представителем власти на близлежащих территориях. В десятых числах марта к нему обращались железнодорожники станции Хасавюрт, профсоюз врачей Грозного с просьбами о помощи в решении корпоративных и производственных проблем⁵².

Возникает вопрос, почему в самом Грозном не возникло никакого временного комитета. Вероятно, это связано с тем, что город находился в непосредственной

---

⁵⁰ Воспоминания красного партизана, военного комиссара станицы Ильской Ивана Ивановича Бирина (1926) // ГАКК. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и Гражданской войны на Кубани и Черноморье. Оп. 2. Д. 205. Л. 38.

⁵¹ Гончаров А. М., командир батареи 2-й Горской кавалерийской бригады в корпусе Б. М. Думенко: воспоминания // ЦДНИРО. Ф. Р-910. Архив партийного архива Ростовского обкома КПСС. Оп. 3. Д. 744. Л. 6.

⁵² Документы штаба Николая Федоровича Гикало — командующего Терской группой красных повстанческих войск. 1919–1920 // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (СОИГСИ). Ф. 21. Коллекция документов по истории революции и Гражданской войны на Тереке. Оп. 1. Д. 886. Л. 205, 206, 446.

близости к горным районам, где существовали вооруженные отряды горцев, усмирить которые деникинцам так и не удалось. Русские жители Грозного, составлявшие большинство населения, нуждались в силе, которая не допустила бы нового межэтнического конфликта. Ею в Чечне был Гикало, который установил с основными влиятельными лицами региона отношения разной степени лояльности.

В двадцатых числах марта 1920 г. Гикало писал А. Ф. Хорошеву, уполномоченному РВС 11-й армии в Кизлярском и Хасавюртовском округах, что Грозный занят его отрядом, что в «Доброволии» развал, казаки всюду бросают фронт, в станицах Терской линии нет никакой власти. Несмотря на это, преследовать добровольцев он считал невозможным из-за анархии на местах и необходимости налаживать власть. Через несколько дней без всякого давления со стороны повстанческих войск, под влиянием общего хаоса в своих рядах, ВСЮР оставили Гудермес, Хасавюрт⁵³.

Инициативным порядком во Владикавказе после ухода белых сформировалось два органа переходной власти — Революционный комитет обороны Владикавказа и Народный комитет во главе с эсером Повстанко. При этом эсер Б. Чернявский был членом обоих комитетов. При белых он сотрудничал в ОСВАГе, но в отличие от ростовских меньшевиков не считал это компрометирующим фактом и остался в городе. Революционному комитету обороны для поддержания порядка в городе нужна была вооруженная сила, поэтому он обратился за помощью к партизанскому отряду М. Огурцова, базировавшемуся в селе Длинная Долина, и вызвал русских солдат из отряда ингуша Х. Орцханова. Из-за малочисленности прибывших партизан был дополнительно сформирован отряд из пленных красноармейцев, отпущенных белыми перед отступлением. Народный же комитет уповал на поддержку, как тогда выражались, здоровых сил общества.

Вечером 23 марта по городу прошел слух, что на вокзал прибывают части под командованием Гикало. Туда стали стягиваться городские обыватели, но эшелоны не прибывали. Чтобы не разочаровывать собравшуюся публику, ревком обороны раздобыл портрет Карла Маркса, красную скатерть и устроил митинг. Только 25 марта 1920 г. во Владикавказ прибыл отряд под командованием М. С. Мордовцева, который тут же возглавил Владикавказский революционный комитет обороны. В тот же день в город вошли гикаловцы и другие отряды, и военная власть была передана штабу красной повстанческой армии Терской области⁵⁴. Любопытно, что задержка прибытия советских частей была вызвана тем, что осетинские и ингушские партизанские отряды в равной степени претендовали на то, чтобы первыми войти во Владикавказ. Чтобы не вызывать межнациональную вражду, ревком постановил ждать армию Гикало и осуществить ввод национальных отрядов уже после гикаловцев⁵⁵.

⁵³ Документы штаба Николая Федоровича Гикало — командующего Терской группой красных повстанческих войск (1919–1920) // Научный архив СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 500–501, 512.

⁵⁴ Письма Х. И. Гребенника, Н. Пшеничного, Н. М. Сергеева в редакции издательства «История Гражданской войны в СССР» и газеты «Социалистическая Осетия» об уточнении отдельных фактов истории восстановления Советской власти на Тереке (1969) // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. Р-105. Личный фонд Х. И. Гребенника. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–23.

⁵⁵ Баракон Харитон Тегкоевич: воспоминания // Там же. Ф. Р-852. Коллекция воспоминаний участников революции и Гражданской войны. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

Как представляется, владикавказские события хорошо показывают не только типичные черты временных органов переходного периода — многопартийность, немилитаризм, сосредоточенность на коммунальных проблемах, отсутствие претензий на политическую власть, но и потерю политического влияния (кроме большевиков) левыми партиями. Они могли представлять из себя что-то заметное лишь в коалиции, и то при наличии местных партийных фигур, имевших личный авторитет.

Дагестан и Восточное Закавказье

Весной 1920 г. в Дагестане настроения также менялись в пользу советской власти. Местные рабочие, уже создавшие временный городской комитет, во избежание расправ, возможных во время междувластия, потребовали, чтобы белая администрация перед уходом из Порт-Петровска организовала эвакуацию арестованных по подозрению в большевизме на восточный берег Каспия. Их высадили в 350 верстах от форта Красноводск, послав в адрес командования Красной армии, завладевшей фортом еще в феврале, телеграмму. Из Красноводска был послан караван с тем, чтобы их забрать⁵⁶. Сами денкинецы эвакуировались (в основном морем на судах) в Азербайджан, где сдавали оружие и были вольны поступать как частные лица.

В отличие от Грузии, где меньшевикам удалось подавить внутреннюю оппозицию и создать политически однородный кабинет, правительство Азербайджанской Демократической Республики (АДР) было коалиционным. Внутри властной элиты шла постоянная борьба между сторонниками и противниками Антанты, последние делились на панисламистов (партия «Иттихад») и социалистов (меньшевиков, эсеров). Мусульманские социалисты сотрудничали с большевиками.

В феврале — марте 1920 г. национально ориентированное ядро правительства предприняло ряд мер по укреплению своей власти. В Баку было введено военное положение и ограниченный комендантский час. Левое крыло партии «Мусават» было ослаблено арестами и убийствами тех, кто сотрудничал с большевиками — М. Ф. Мусеви, А. Алиева, А. Байрамова. Местная полиция, используя командированных из Грузии на помощь офицеров, устраивала облавы, стремясь таким образом подавить рабочее движение, активизировавшееся при известиях об отступлении денкинцев. Зачистки вынудили ряд видных большевиков, находившихся на полуполюгальном положении (В. И. Нанейшвили, И. И. Довлатов, Л. Д. Гогоберидзе), покинуть Баку⁵⁷.

Эти меры вызвали консолидированный протест левой части парламента, и правительство Н. Усубекова ушло в отставку. В течение апреля М. Гаджинский, занимавшийся формированием нового кабинета, вел переговоры с представителя-

---

⁵⁶ Сборник воспоминаний о работе морской экспедиции Баку — Красноводск — Астрахань и автобиографические данные участников экспедиции // Архив партийных документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики (далее АПД УДПАР). Ф. 456. Истпарт. Оп. 17. Д. 14. Л. 171.

⁵⁷ Расшифровка переговоров по прямому проводу (по телеграфу) между Левонем Гогоберидзе, находящимся в Туркестане, и Бесо Ломинадзе и Белоусовым (Астрахань) // Там же. Д. 1 (вложенная тетрадь без нумерации листов).

ми левых партий. Ослаблению АДР способствовал не только политический кризис, но и другие нерешенные проблемы. Совет министров АДР никак не мог решиться подписать коллективный договор, что было еще одним фактором расширения рабочего движения. Влияние мусаватистов ослабляла начавшаяся в Карабахе мусульмано-армянская война и проводившиеся в связи с ней мобилизации⁵⁸. На страницах газет появлялись заявления целых групп рабочих-тюрков о выходе из партии «Мусават» и вступлении в партию большевиков. К этому времени эсеры и меньшевики также потеряли влияние в рабочей среде⁵⁹.

Правые мусаватисты усилили деятельность по разыгрыванию национальной карты, объявляя большевиков армянской партией. Параллельно в правительственной печати возвращение русской власти обыгрывалось как катастрофический сценарий. Кавказский краевой комитет (ККК) РКП(б), понимая, что среди части местного населения, в том числе и рабочих, эта позиция может найти отклик, инициировал создание Азербайджанской компартии за счет слияния трех социал-демократических партий — Бакинского комитета партии большевиков, тюркской «Гуммет» и партии персидских иммигрантов в Баку «Адалет». Об этом было объявлено 20 января 1920 г. При этом Азербайджанская коммунистическая партия (АзКП), формально являясь самостоятельной партией, была подотчетна ККК, а через него и ЦК РКП(б)⁶⁰. Примечательно, что объединение было открыто названо мерой, необходимой для захвата власти⁶¹. В этот же день Пленум ККК направил совету бакинских профсоюзов письмо, где, объяснив усиливающиеся проблемы экономическим кризисом, подчеркнул, что нет выхода из этого кризиса вне коммунистического переворота⁶².

Командование Красной армии и советское руководство в Москве поручило Реввоенсовету 11-й армии подготовить план вступления войск на территорию Азербайджана. Его военно-оперативная составляющая хорошо известна⁶³. В рамках нашей темы важны обстоятельства его реализации.

24–25 апреля 1920 г. М. Г. Ефремов, командир отряда из четырех красных бронепоездов, получил приказ пересечь границу АДР по мосту через р. Самур. Бронепоезд имени III Интернационала, разоружив пограничную стражу, направился вглубь территории. К слову, была ли вооруженная стычка на мосту, сообщения разнятся. В 10 верстах от границы, у станции Ялама, к нему присоединились еще три

---

⁵⁸ Воспоминания о подпольной работе в 1918–1920 гг. Г. А. Мамедов. О Сальянской организации АКП(б) // АПД УДПАР. Ф. 276. Истпарт. Оп. 2. Д. 28. Л. 63; Протоколы собраний во время подполья 1918–1920 гг. // Там же. Истпарт. Оп. 3. Д. 103а. Л. 14.

⁵⁹ Первый съезд АзКП. Воспоминания, материалы. 1920 г. // АПД УДПАР. Ф. 456. Истпарт. Оп. 10. Д. 149. Л. 9.

⁶⁰ Материалы, собранные сотрудниками сектора истории гражданской войны при Истпарте Дагеспублики для освещения истории гражданской войны в Дагестане: Докладная записка члена Кавказского краевого комитета РКП(б), 12 февраля 1920 г. // Там же. Д. 36. Л. 90.

⁶¹ Протоколы собраний во время подполья 1918–1920 гг.: Протокол от 3 февраля 1920 г.; Постановление БК АзКП и ККК о приведении партии в боевую готовность // АПД УДПАР. Ф. 276. Истпарт. Оп. 3. Д. 103а. Л. 6, 15.

⁶² Переписка Кавказского краевого комитета РКП(б): Обращение Пленума ККК к Совету профсоюзов и Центро клубу, 20 января 1920 г. // Там же. Д. 84. Л. 24.

⁶³ Интернациональная помощь XI армии в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. Документы и материалы 1920–1921 гг. Баку, 1989; *Кадиев А. Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960.

бронепоезда — «Красный Дагестан», «Красноармеец», «Красная Астрахань». При движении к Баку сопротивление на станциях и придорожных аулах было незначительным. После нескольких выстрелов для установления взаимопонимания хватало митинга и речи А. И. Микояна. Вскоре Ефремов получил телеграмму от командования 11-й армии с приказом далеко на территорию Азербайджана не углубляться и ждать подхода кавалерийских частей. Ефремов вынес этот вопрос на обсуждение (ждать или идти). «Даешь черную кровь [нефть]!» — кричали бойцы. Решено было двигаться на Баку. У станции Баладжары бронепоезда встретились с прибывшими на паровозе В. В. Ломинадзе, А. А. Алимовым и другими бакинскими большевиками, которые сообщили, что мусаватистское правительство частично арестовано, другие готовы сотрудничать. Советские и постсоветские азербайджанские издания сходятся в описании предъявленного парламенту ультиматума и его последствий⁶⁴.

В пять утра 28 апреля бронепоезда прибыли на железнодорожную станцию Баку, которая, несмотря на ранний час, была полна встречающих⁶⁵. Сохранились фотографии это события.

Советские мемуаристы пишут о формировании к моменту прибытия красных бронепоездов широкой коалиции, в которую помимо АзКП входили профсоюзы и отдельные влиятельные представители мусульманских партий. Любопытно, что на участие в выработке общей платформы деятельности претендовала и партия «Дашнакцутюн»; но лидер бакинских большевиков Микоян с возмущением напомнил им, что дашнаки причастны к интервенции британских войск в Баку, а также к аресту и расстрелу бакинских комиссаров⁶⁶.

А. Г. Караев, состоявший сначала в партии «Гуммет», а в 1919 г. вступивший в партию большевиков, описал ситуацию накануне 28 апреля как полный развал власти, когда внутри правящей партии были «большевистски настроенные» деятели, например, последний председатель Совета министров АДР М. Г. Гаджинский⁶⁷; военный министр генерал С. С. Мехмандаров, помогший подпольщикам получить контроль над оружием интернированных деникинцев. Караев утверждал, что после 28 апреля все очень быстро смирились с переходом власти; члены разных партий обращались с петициями о ликвидации своих партий и с просьбами о приеме в АзКП⁶⁸.

Если собрать воедино сохранившиеся документы и мемуарные свидетельства, очевидно, что бакинские общественные деятели рассматривали установившуюся советскую власть как платформу для нового конструирования власти. Это не удивительно, ведь и деятели АДР, и те из мусульман, кто считал себя социал-демокра-

⁶⁴ Гражданская война в СССР: в 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 331; Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Баку, 1998. С. 265–266; *Дарабади П.* Военно-политическая история Азербайджана (1917–1920 годы). Баку, 2013. С. 254–255.

⁶⁵ Воспоминания о работе морской экспедиции Баку — Красноводск — Астрахань и автобиографические данные участников экспедиции. Судайкин Михаил: воспоминания (1929) // АПД УД-ПАР. Ф. 456. Истпарт. Оп. 17. Д. 14. Л. 172–173 об.

⁶⁶ Талыблы. Национальная пестрота (о Закавказской федерации) // Там же. Оп. 10. Д. 58. Л. 141–142.

⁶⁷ М. Г. Гаджинский, не будучи членом партии «Гуммет», до 1917 г. имел связи с лидерами этой партии, оказывая им многочисленные услуги, что было отмечено памятным подарком — серебряной чернильницей. Стенограмма беседы с Ашурбейли (Ашурбековым) Исабеком // Там же. Оп. 18. Д. 56. Л. 31.

⁶⁸ *Караев А. Г.* Из недавнего прошлого. Баку, 1926. С. 126–127.

тами, а потом большевиками, были представителями немногочисленной образованной прослойки, связанными узами родства или давнего знакомства. Насколько сложной могла быть политическая биография закавказского интеллигента, показывает жизненный путь И. Ашурбекова⁶⁹.

Причины возникновения такой коалиции лежат в сфере идейных представлений левой тюркской общественности. Она всегда желала национального обособления, но его точная конфигурация определена не была. Большевики охотно и вполне искренне поддерживали эти настроения. Когда после мартовских событий 1918 г., в ходе которых произошли массовые столкновения между армянами и татарами, левая тюркская интеллигенция покинула Баку, то пристанище она нашла в Астрахани и Москве. Н. Нариманов заведовал восточным отделом Наркомата иностранных дел и добивался создания самостоятельной коммунистической партии на базе тюркской социал-демократической партии «Гуммет». Некоторые из его соратников считали, что туда должны были входить только тюрки. Микоян называл их «московско-кавказскими национальными коммунистами». ЦК РКП(б) дипломатично рекомендовал учесть мнение ККК, чей состав был многонациональным.

Эти идеи проявили себя в деятельности левых тюрков Закавказья и после установления советской власти в Баку. Нариманов в сентябре 1920 г. призывал интеллигенцию не покидать страну, ибо «инонационалы» скоро уйдут из Азербайджана, потому что советская власть в ближайшее время установится и в Армении, и в Грузии: грузины и армяне уедут к себе, тогда «...вы приглашаетесь, — говорил он, — занять их места и вести работу»⁷⁰. Бывший член партии «Гуммет» Б. Шахтахтинский выработал свою концепцию государственного становления советского Азербайджана: отдать России многонациональный Баку и с целью обеспечения подлинной смычки местного пролетариата с местным крестьянством столицу перенести в Гянджу (бывший Елисаветполь)⁷¹.

В провинциях упраздненной АДР некоторое время продолжала действовать старая администрация, пока на власть не предъявили права местные левые тюркские социалисты. И. Кулиев, принадлежавший к той части партии «Гуммет», что

---

⁶⁹ Владелец нефтяных промыслов Исабек Ашурбеков во многом напоминал российского предпринимателя С. И. Морозова. С 1905 г. он плотно взаимодействовал с революционным подпольем. Истпартовский историк Р. Гасанов ссылался на служебную записку ротмистра Орловского и заведующего особым отделом полковника Бабушкина, где сообщалось, что 3–4 года назад Ашурбеков состоял в качестве секретного сотрудника при жандармском управлении. Причиной его сотрудничества с полицией было желание получить орден Св. Станислава 3-й степени (об этом писал и сенатор А. М. Кузьминский), причиной же разрыва отношений с полицией было то, что при новом начальстве его практически провалили, и он отошел от сотрудничества с охранкой и всецело посвятил себя рабочему движению. Ашурбеков прятельствовал с Н. Наримановым, был одним из организаторов мусульманской социал-демократической партии «Гуммет», издавал газету «Иршаат». В 1906 г. помог под залог имущества одного из родственников освободить из тюрьмы А. Вышинского, что не помогло Ашурбекову избежать репрессий в 1937 г. Стенограмма беседы с Ашурбеями (Ашурбековыми) Исабеком // АПД УДПАР. Ф. 456. Истпарт. Оп. 10. Д. 56. Л. 1–34; Гасанов Р. Был бы «Сеид» (Мир Гасан) Мовсумов провокатором? // Там же. Д. 120. Л. 6–8; Саламов М. Тюркские буржуазные помещицы партии в 1917 г. (1934) // Там же. Д. 148. Л. 40.

⁷⁰ Материалы в связи с докладом Н. Нариманова (1923) // АПД УДПАР. Ф. 456. Истпарт. Оп. 8. Д. 30 (тетрадь «Борьба с “наримановщиной”»). Л. 6.

⁷¹ Выступление наркома иностранных дел Азербайджанской ССР М. Д. Гусейнова // Национальный вопрос: Стенографический отчет XII Бакинской партийной конференции, 8 октября 1920 г. Баку, 1923. С. 39.

влилась в АЗКП, явился к уездному начальнику города Сальяны и потребовал от него сдачи власти, но тот отказался, ожидая распоряжений из Баку. Кулиев пошел на телеграф и вернулся к нему с телеграфной лентой с таким распоряжением, после чего власть ему была передана⁷².

Детали перехода рычагов управления к уездному ревкому в Карабахе (Шушинский уезд) с его смешанным населением известны из воспоминаний его председателя А. Караева. На территории уезда располагалось несколько рот армии АДР. Их командирами были в основном турецкие офицеры. Мусаватистские роты распустить было некому, да и достаточных сил для этого у ревкома не имелось. Среди населения ходили слухи, что «русские» (хотя среди членов ревкома русских не было) появились тут из-за голода в России, что в самой России уже нет никакого большевизма, поскольку там их уже всех вырезали. Помимо военного и административного мусаватистского аппарата в уезде действовали и вооруженные отряды дашнаков. Уездный город Шуша не имел связи с Баку. Советские декреты и постановления привозились торговцами — за деньги и нерегулярно, поэтому ревком работал на свой страх и риск, основываясь на опыте тех, кто бывал в Советской России. Попытка местных большевиков — армян и мусульман — создать общий ревком была пресечена местными ротами. В общении с карабахскими большевиками турки использовали правильную риторику, именовали себя Турецким революционным красным корпусом, который готовится выступить в Анатолию для установления советской власти. Наивный ревком этому верил, но 30 мая турки и находившиеся под их командованием роты предприняли попытку ареста самопровозглашенного властного органа. Члены мусульманского ревкома укрылись в армянских селах.

В это время в горной части Карабаха, населенной армянами и в течение трех лет, по сути, находившейся в блокаде, произошел переход власти от дашнаков к просоветски настроенным силам. Произошло это также, по-видимому, не без влияния известий из Баку. Усобица всем порядком надоела, и уревкому в изменившейся обстановке удавалось собирать митинги армянских и мусульманских сел, где выступали армянские и азербайджанские большевики с интернационалистскими лозунгами. По итогам митингов крестьяне заявляли, что революционная власть — самая справедливая. Но окончательный мир и установление советской власти в уезд принесло лишь появление 18-й кавалерийской дивизии РККА⁷³.

Если ориентироваться на советские тексты, то переход власти от администрации АДР к новым органам власти произошел при активном участии представителей левых тюркских партий, вошедших к этому моменту в состав Азербайджанской компартии. Такое видение событий и ожидалось республиканской комиссией Истпарта, выступившей инициатором мемуарной кампании. Сохранившиеся документы Кавказского краевого комитета партии также работают на эту версию.

Произошедшее в Восточном Закавказье отличается от событий на Кубани и Тереке. Период междувластия был короток, и его наполняли активные действия левой многопартийности, которая уже приобрела большевистский облик и претендовала на всю полноту политической власти. Причиной подобных различий были

⁷² Воспоминания о подпольной работе в 1918–1920 гг. Г. А. Мамедов. О Сальянской организации АКП(б) // АПД УДПАР. Ф. 276. Истпарт. Оп. 2. Д. 28. Л. 71.

⁷³ Воспоминания Асада Караева, председателя Карабахского уездного комитета Азербайджанской компартии // Там же. Л. 105–137.

разные формы государственно-политического существования этих окраин бывшей Российской империи в предыдущие два года.

Для описания пределов вероятности описанных сценариев обратимся к событиям декабря 1919 г. — января 1920 г. в Томске и Иркутске. Там на короткий период времени открылось окно возможностей для выхода на политическую авансцену сторонников «третьего пути» и многопартийных по своему составу переходных органов власти. В связи с тем, что левые меньшевистские партии сохранили в Восточной Сибири кадровый состав и опору в армии, среди городских и сельских масс, этот выход был осуществлен в форме вооруженного антиколчаковского восстания. Попытка генерала А. Н. Пепеляева накануне эвакуации из Томска официально передать власть городской думе была свернута из-за того, что коалиционный Военно-революционный комитет в составе большевиков, меньшевиков, эсеров и анархиста-синдикалиста в отличие от думского органа имел вооруженную силу и почти бескровно принял власть в городе. После прихода частей 5-й Красной армии был создан большевистский по своему составу Томский революционный комитет⁷⁴.

В Иркутске антиколчаковское выступление было организовано коалиционным Политическим центром, сформированным из эсеров, меньшевиков, земцев и трудовиков. Политцентр поддержали стоявшие на эсеровской платформе чехи, которые отбили от города казаков атамана Г. М. Семенова. Части колчаковской армии также переходили на сторону Политцентра. 12 января 1920 г. сформировался Временный совет сибирского народного управления, который объявил себя властью на территории от Красноярска до Иркутска. В него вошли представители тех же партий, что входили и в Политцентр. Попытка создания буферного государства, лояльного к РСФСР и борющегося с контрреволюцией, продолжалась до 22 января, когда власть перешла к Иркутскому ревкому во главе с коммунистом А. А. Ширяковым. 15 марта части Красной армии вступили в Иркутск⁷⁵.

Вариант организации временных переходных органов, не претендующих на политическую роль, был характерен для районов без активных боевых действий, где левые меньшевистские партии истощились, не воюя, но потеряв свой организационный потенциал. Процесс протекал по двум базовым сценариям. Первый — цивилизованная передача власти политически нейтральному временному органу, состоящему из местных деятелей левого толка. В Екатеринодаре и Майкопе был осуществлен именно такой сценарий. В Архангельске он был сорван отрядами военнслужащих, которые опасались мести за измену, поскольку на Севере в условиях недостатка мобилизационных ресурсов в белую армию переманивали военнопленных красноармейцев. В уездных же центрах губернии этот путь был реализован. Второй сценарий — оставление белыми на произвол судьбы населения и материальных ценностей на покидаемой территории — побуждал местную общественность самоорганизовываться для обеспечения своей безопасности. Этот вариант был характерен для Терской области. В особенностях краткого периода междувластия оказалось больше региональных особенностей, чем в других явлениях Гражданской войны, что напрямую связано и с предреволюционным бэкграундом, и со сложившейся к ее окончанию местной ситуацией.

⁷⁴ Ларьков Н. С. Декабрьские события 1919 года в Томске. С. 46–56.

⁷⁵ Новиков П. А.: 1) Иркутск в огне Гражданской войны // Земля Иркутская. 2001. № 15. С. 56–64; 2) Гражданская война в Восточной Сибири.

Как видим, представители левопартийной общественности принимали участие в переходе власти чуть ли не во всех выявленных примерах. В этих случаях при формировании временных форм власти использовался опыт Советов 1917 г., сложившийся до второго кризиса Временного правительства. К ним напрямую относится наблюдение Т. Варнек, сестры милосердия Добровольческой армии, которая различала настоящую советскую власть и ненастоящую, то есть ту, которая явочным путем брала бразды правления в свои руки на территории, оставляемой белыми⁷⁶. Такая возникавшая на волне всеобщего согласия советская власть не могла существовать долго. И предел ей ставил приход регулярных частей Красной армии. Этому способствовала выработанная в 1918 г. классовая настороженность и накопленный управленческий опыт, который привычно запускался в дело: подозрительных — под арест, подлежащих мобилизации — под ружье, материальные ценности — под охрану, надежные и проверенные кадры — в органы власти, нужды местного населения по возможности удовлетворить, пообещав порядок и организованность, пусть даже в виде карточной системы и комендантского часа. Как бы то ни было, события, происходившие на освобождаемых территориях в дни отступления белых, свидетельствовали о желании возвращения политического процесса в русло диалога.

References

- Brovkin V. N. Rossiia v Grazhdanskoi voine: vlast' i obshchestvennye sily. *Voprosy istorii*, 1994, no. 5, pp. 24–39. (In Russian)
- Cherkasov A. A. Demokratii i Grazhdanskaia voina: problema fraktsionnykh vzaimootnoshenii na krest'iansko-rabochem s'ezde Komiteta osvobodzheniia Chernomorskoii gubernii (22–25 fevralia 1920 g.). *Istoriia i istoriki v kontekste vremeni*, 2006, no. 4, pp. 34–50. (In Russian)
- Darabadi P. *Voенно-politicheskaia istoriia Azerbaidzhana (1917–1920 gg.)*. Baku, Kavkaz Publ., 2013, 296 p. (In Russian)
- Gasymov Z. Utrachennaia gosudarstvennost' Azerbaidzhana v zerkale istoriografii: diskussiia ob okkupatsii respubliki. *Kavkaz i globalizatsiia*, 2007, no. 1 (5), pp. 170–177. (In Russian)
- Gerasimov D. A. Murman v nachale 1920-kh godov: mezhdubelym i krasnym. *1920 god v sud'bach Rossii i mira: apofez Grazhdanskoi voiny v Rossii i ee vliianie na mezhdunarodnye otnosheniia*, Arkhangel'sk, Solti Publ., 2010, pp. 193–197. (In Russian)
- Goldin V. I. Natsional'nyi vopros i natsional'naia politika v Grazhdanskoi voine v Rossii. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2018, no. 1, pp. 148–151. (In Russian)
- Goldin V. I. Ot Pervoi mirovoi voiny do Grazhdanskoi voiny v Rossii i na Russkom Severe: uroki natsional'noi bezopasnosti. *Pervaia mirovaia voina i evropeiskii sever Rossii*, Arkhangel'sk, Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet Press, 2014, pp. 6–13. (In Russian)
- Goldin V. I. Dzh. D. Smele. "Russkie" grazhdanskie voiny 1916–1926 gg. Desiat' let, kotorye potriasli mir. *Voprosy istorii*, 2016, no. 12, pp. 165–169. (In Russian)
- Goldin V. I. Poslednie zarubezhnye issledovaniia Grazhdanskoi voiny nachala XX veka v Rossii. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki 2016, no. 5, pp. 128–132. (In Russian)
- Ismailov E. R. *Ocherki istorii Azerbaidzhana*. Moscow, Flinta Publ., 2010, 424 p. (In Russian)
- Kadyshev A. B. *Interventsiia i Grazhdanskaia voina v Zakavkaz'e*. Moscow, Voenizdat Publ., 1960, 510 p. (In Russian)

---

⁷⁶ Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) // Добровольцы: сб. воспоминаний. М., 2001. С. 118.

- Kornatovskii N. *Severnaia kontrrevoliutsiia*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1930, 177 p. (In Russian)
- Larkov N. S. The December events of 1919 in Tomsk. *Vestnik TGU*, 2011, no. 3 (15), pp. 46–56. (In Russian)
- Morozova O. M. Goret v revoliutsii: Aslanbek Sheripov, Magomet Eneev, Ullubii Buinakskii. *Morozova O. M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry ... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta*. Rostov-on-Don, Iuzhno-rossiiskii nauchnyi tsentr RAN Press, 2010, pp. 188–134. (In Russian)
- Morozova O. M. Gornoe svoeobrazie i bol'shevistskii tvorcheskii poryv. *Narody Rossii: istoriko-psikhologicheskie aspekty mezhnatsional'nykh i mezkhkprofessional'nykh otnoshenii*, St. Petersburg, Nestor Publ., 2009, pp. 234–238. (In Russian)
- Mukhanov V. M. *Gruzinskaia Demokraticheskaia Respublika: ot pervykh dnei nezavisimosti do sovetizatsii*. Moscow, MGIMO-Universitet Press, 2018, 886 p. (In Russian)
- Novikov P. A. *Grazhdanskaia voina v Vostochnoi Sibiri*. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2005. (In Russian)
- Novikov P. Irkutsk v ogne Grazhdanskoi voiny. *Zemlia Irkutskaia*, 2001, no. 15, pp. 56–64. (In Russian)
- Puchenkov A. S. *Natsional'naia politika generala Denikina (vesna 1918 — vesna 1920)*. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2012, 338 p. (In Russian)
- Rogachev I. V. *Arkhangel'skii Sever v otnosheniiakh Rossii i SShA v gody Pervoi mirovoi voiny 1915–1918 gg.* Arkhangelsk, Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet Press, 2015, 191 p. (In Russian)
- Troshina T. I. “Beskrovnaia revoliutsiia” 1920 g. v Arkhangel'ske. *Vestnik arkhivista*, 2020, no. 3, pp. 888–904. (In Russian)
- Vendrikh G. A. *Dekabr'sko-ianvarskie boi 1919–1920 gg. v Irkutske*. Irkutsk, Irkutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1957. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 августа 2020 г.

Рекомендована в печать 25 мая 2021 г.

Received: August 10, 2020

Accepted: May 25, 2021